Большинство домов в сельской местности строились одинаково: огороженный внутренний двор перед большим центральным зданием, к которому слева и справа примыкают дополнительные комнаты. Те, у кого не хватало денег, обходились лишь центральной частью, и крайне редко можно было встретить дома, у которых дополнительные комнаты присутствовали лишь с одной стороны.

Так что теперь внешний вид старого дома семьи Цзян представлял собой то еще зрелище для всей бригады. Каждый раз, когда люди проходили мимо, они ухмылялись и тыкали пальцами в отсутствующее западное крыло дома.

Никто не считал, что действия Цзян Лю были чрезмерными. Стены были сделаны из камня, старательно собранного им в горах и вызывали у него ностальгию. Что плохого в том, чтобы разобрать их и использовать для строительства нового дома? К тому же, комнаты в западном крыле уже были отданы в собственность Цзян Лю, поэтому, что бы он ни делал с ними, это никак не касалось обитателей остальной части дома.

Молодежь и сверстники Цзян Лю полностью поддержали его действия, а среди старших мнения разделились. Некоторые из них довольно активно высказывались по этому поводу из-за поддержки, которую они раньше получали от пожилой пары Цзян. Однако основная масса предпочитала молчать после возмутительного поведения старших Цзянов в последнее время, а также из-за огромной выгоды, которую Цзян Лю принес общине в целом и их семьям в частности.

А вот реакция жителей дома, который находился в центре внимания, озадачила всех. Они не разгневались, как этого можно было ожидать. Особенно известная скандалистка Мяо Цайфэн, которая, вопреки всему, продолжала регулярно ходить на склад бригады за материалами для плетения и спокойно занималась своими делами, как будто ничего необычного не произошло.

Старик Цзян Чуанъэнь вел себя еще более странно. Как и подобает счастливому дедушке в предвкушении рождения внуков, он счастливо улыбался весь день напролет, однако даже не попытался посетить новый дом Цзян Лю. Вместо этого он навещал людей, которые недавно были в гостях у его старшего сына и расспрашивал их, как поживает его невестка, начали ли уже шевелиться дети, сильно ли вздулся у нее живот, хорошо ли растут будущие внуки и тому подобное.

Можно было бы сказать, что он так заботился о своих еще не родившихся внуках. Но почему же тогда он год за годом оставался безучастным, когда его жена третировала семью их первенца? Его жена не мачеха, а он не отчим, отчего же Цзян Чжуанъэнь столько лет совершенно не заботился о своем старшем сыне? Не удивительно, что невестка, даже прожив замужем столько лет, не могла родить наследника. Однако теперь, когда обнаружились блестящие способности Цзян Лю, он наконец решил восполнить упущенное?

Однако, у старшего поколения обычно есть собственный расчет. В конце концов самый важный момент, который привел к изменению отношения стариков Цзян, был связан с тем, что Сюй Сюсю, наконец, забеременела наследником. Отношение старших к молодым, у которых есть ребенок, и к тем, у кого его нет, естественно отличалось.

Хотя с самого начала старшие Цзяны были благосклонны к младшим брату с сестрой, отношение к старшему сыну тоже не было плохим. Однако когда после долгих лет брака с Сюй Сюсю не было заметных сдвигов в деле с наследниками, а Ван Сюэмэй, напротив, выйдя замуж за Цзян Хая значительно позже, последовательно подарила семье Цзян двух внуков, то предубежденное отношение стариков стало заметнее.

Даже Цзян Чуанъэнь, который изначально высоко ценил старшего сына, постепенно перестал подавать голос в его поддержку. В глазах этих старомодных и костных в своих убеждениях стариков, раз старший не мог оставить потомство, то все, на что могут рассчитывать как они сами, так и Цзян Лю с женой — это сыновья Хая-цзы. Поэтому не важно, сколько нужно им отдать и скольким придется пожертвовать ради них — это следует сделать ради их будущего сыновнего благочестия.

В любом случае бесполезно гадать, о чем думали старики Цзян теперь, когда, как говориться, дерево уже стало лодкой. Их старший сын, которым они всячески пренебрегали, взлетел на вершину жизни. Однако старикам хватило совести не пытаться навязать молодым примирение. Казалось, теперь обе стороны смогут жить в мире.

Обсуждение всех этих событий не выходило за пределы деревни, да и в ней потихоньку утихло. Все были слишком заняты тем, что пытались заработать побольше денег. Каждый хотел и себе построить новый красивый двухэтажный дом, как у Цзян Лю.

***

Накануне Нового года впечатляющие новости дошли из столицы провинции до сельской местности.

Новость о реформе начальных школ была близка большинству жителей коммуны, особенно в бригаде, где жил Цзян Лю. Благодаря резкому улучшению благосостояния практически все дети в их деревне смогли отправиться в школу в этом году. Это благо для всех, что высшее руководство вознамерилось изгнать всех некомпетентных из рядов учителей. Однако для тех, кто не имел способностей к преподаванию, но затесался в среду учителей, эта новость была не так хороша.

Последние известия касались как раз тех, кто чувствуя себя неуверенно, искал обходных путей, чтобы избежать влияния реформы.

Не известно, кто оказался достаточно смелым, чтобы отправить анонимный донос в городское управление образования, однако случилось так, что это письмо попало на глаза представителям отдела надзора провинции, которые как раз приехали с инспекцией. В нем сообщалось о нескольких мелких чиновниках в департаменте образования провинции Тайфэн, которые брали взятки, чтобы пропихнуть некоторых учителей.

Это письмо моментально привлекло внимание высшего руководства и, после расследования, некоторые чиновники, которые брали взятки, мигом лишились должностей. Только двоим

удалось узнать о произошедшем и на шаг опередить события. Теперь они находились в бегах.

Существование подобной саранчи во время самого важного этапа реформирования страны могло пошатнуть сами основы системы образования, поэтому вышестоящее руководство, конечно, не отпустит этих паразитов так легко. Всех, кого поймали на принятии взяток, арестовали, а двоих сбежавших искали со всей интенсивностью.

Учителя, дававшие взятки, тоже не получили никакого выигрыша: они потеряли не только деньги, но и право сдавать квалификационный экзамен по преподаванию. Это разрушило все их шансы продолжить работу учителем.

Некоторые из них были вполне способны сдать экзамен, если бы серьезно отнеслись к подготовке. Но увидев столько людей, пытающихся обеспечить свое место с помощью денег, не смогли удержаться и совершили ошибку. Однако правила есть правила, особенно в годы репрессий, и любой, кого ловили на взяточничестве превращался в курицу, которую зарежут в назидание обезьянам.

П.п.: Китайское выражение «убить курицу, предупредить обезьян» (□□□□, shā jī jǐng hóu) связано с древним поверьем, что обезьяны боятся вида крови, из-за которого селяне резали кур или гусей, чтобы отогнать таких беспокойных соседей от своих домов.

— Дядя Цзян, ваш второй сын преподает в начальной школе нашей коммуны, верно? Я надеюсь, что он не замешан в этом большом деле? — задал кто-то вопрос Цзян Чуанъэню во время краткого перерыва в полевых работах. Услышав его, люди по соседству тоже перестали работать и навострили уши, ожидая ответа.

Хотя Цзян Хай был единственным учителем в бригаде, его репутация была куда хуже, чем у его брата Цзян Лю. Это было верно и в прошлом, но сейчас стало еще более очевидным.

Этот мальчишка, похоже, походив в школу всего несколько лет, начал считать себя особо культурным человеком. Он всегда смотрел свысока на людей, которые усердно работают на поле, марая ноги в земле. И даже не задумывался о том, что если бы не «босоногие деревенщины» из его семьи, которые оплатили учебу, то у него сейчас не было бы возможности так задирать нос.

Такое впечатление, что у этого парня вообще нет совести. Хотя старший брат потратил на него так много, он не проявлял ни малейшей благодарности к Цзян Лю. И он, и его сестра, казалось, обучились в школе лиш тому, как вести себя, словно последняя собака.

— Откуда в нашем доме столько денег, чтобы подкупить чиновника? Это дело не имеет никакого отношения к Цзян Хаю и нашей семье, — не признался Цзян Чуанъэнь. Покачав головой, он привычно прикрылся тем, что у них не так много денег.

— Я слышал, что полиция нашла в домах этих людей целые ящики с деньгами. Многие люди

без работы учителя не смогли бы свести концы с концами, так что старались удержаться за нее изо всех сил. Небось, и семьи не смогли отказаться от того, чтобы помочь им всем, чем можно. Но даже если вы раскошелитесь на триста или четыреста юаней, нет гарантии, что эти люди в итоге вам помогут.

Говоривший тоже не стал признаваться, поверил ли он ответу старика, и продолжил так:

— В прошлом году, при разделении семьи твоя жена сказала, что у вас нет денег, и отдала Лю-цзы лишь две комнаты да часть имущества. У вас не было денег даже на то, чтобы отправить его к врачу. Конечно, откуда же вам взять денег на взятку для Хай-цзы, верно?

Человек явно говорил с насмешкой, и Цзян Чуанъэнь, почувствовал, как запылали его щеки.

Действительно, его жена столько суетилась, чтоб заставить бригаду оплатить медицинские расходы старшего сына, но когда деньги понадобились младшему, она, и глазом не моргнув, вынула из семейных запасов такие деньжищи. Почему так?

***

Тем вечером атмосфера в старом доме Цзянов была напряженной. Цзян Хай, который уже три дня подряд не ночевал дома, наконец вернулся и принес как хорошую, так и плохую новости.

Хорошей новостью было то, что тот чиновник, которому взятку давал именно он, сумел сбежать, прихватив с собой все деньги. Пожалуй, достаточно высока вероятность того, что пока его поймают, большая часть денег будет потрачена, и чтобы преуменьшить свое преступление и смягчить наказание, чиновник, безусловно, предоставит как можно меньше информации о тех, у кого он брал взятки и сколько.

Плохая новость заключалась в том, что этот человек сбежал, и что ради сохранения за собой места на квалификационном экзамене, Цзян Хай не мог признаться, что дал ему взятку в пятьсот юаней. А это значит, что деньги не вернутся и такая большая сумма была потрачена впустую.

— Как это не вернутся? Мы же говорим о пятистах юанях! О пятистах юанях! — Мяо Цайфэн сжала руки на груди, задыхаясь. Она почувствовала, что утратила последний проблеск надежды. Эти деньги она взяла из личных сбережений, у нее больше ничего не осталось. Что они будут делать в будущем, если она или старик заболеют?

Хотя сейчас она все еще способна зарабатывать деньги, но большая часть этих денег пришлась на заработки от той сделки с иностранцами. Как только заказ будет выполнен, где еще она сможет заработать так много денег за короткое время?

Ну и конечно, самое главное: сможет ли теперь ее младший сын удержаться на

преподавательской должности?

— То, что деньги пропали — пустяк, главное, что с Цзян Хаем все в порядке, — Ван Сюэмэй не расстраивалась из-за потери этих денег так уж сильно, зная, что хотя Цзян Хай назвал матери сумму в пятьсот юаней, на самом деле он отправил тому чиновнику только триста. Таким образом у них на руках все еще оставалось двести юаней, о которых Мяо Цайфэн не знала.

Ван Сюэмэй предпочитала держать эти деньги в собственных руках, а не каждый раз выпрашивать их у старухи.

Такое нежное и внимательное отношение Ван Сюэмэй согрели душу Цзян Хая. Сравнивая мать, которая переживала только из-за денег, и жену, которой был дороже он сам, его сердце, конечно, склонялось к последней.

Однако внешне он никак этого не проявил, а напротив, склонил голову, признавая себя виновным, и обратился к матери:

— Конечно, деньги уже потеряны, но с другой стороны, хорошо, что руководство обращает столько внимания на эти дела. Пока экзамен будет честным, думаю, я не уступлю другим учителям начальных школ.

Цзян Хай полагал, что теперь ему следует начать усердно готовиться к экзамену. В конце концов, от этого зависит его будущее и он больше не может относиться к экзамену так легкомысленно, как раньше.

— У меня ужасно болит голова. Дайте мне несколько дней, чтобы отдохнуть и успокоиться, — неожиданно Мяо Цайфэн, которая всегда доверяла сыну, не стала высказывать своего мнения по этому поводу. Вместо этого она с усталым видом потерла лоб и направилась в свою комнату.

Она вспомнила, что ее сын сказал то же самое несколько лет назад, когда возобновились вступительные экзамены в колледж. Он произнес подобные слова с такой уверенностью, что она тайком использовала свои сбережения, чтобы поддержать младшего сына. А в результате он едва смог набрать сотню баллов и стал посмешищем для всей деревни.

Если у него действительно есть способности, то почему он был настолько неуверен в себе, что ему понадобились эти пятьсот юаней, чтобы подкупить того мелкого чиновника из департамента образования?

Впервые Мяо Цайфэн засомневалась в способностях младшего сына.

Тем не менее, возможно, потому, что от этого теста действительно зависело его будущее, Цзян Хай впервые в жизни серьезно отнесся к учебе. Он усердно учился и показал на экзамене на удивление хорошие результаты. В итоге ему все же удалось сохранить за собой должность

учителя в начальной школе их коммуны и оформить официальное трудоустройство.

Это событие на некоторое время развеяло гнетущую атмосферу в доме семьи Цзян. Головная боль Мяо Цайфэн наконец прекратилась, и она снова начала улыбаться.

***

После переезда в новый дом Цзян Лю больше не обращал особого внимания на старый дом Цзянов. Однако дело о поимке коррумпированных чиновников в округе было таким громким, что о нем невозможно было не знать.

Так как в это время обитатели старого дома Цзянов, поджав хвосты, вели себя так тихо, как только возможно, Цзян Лю догадался, что его брат, видимо, был среди тех, кто давал взятку, но по какой-то причине не был пойман.

Однако Цзян Лю спокойно наблюдал за происходящим. Он не собирался доносить на Цзян Хая.

Все-таки у него было злое сердце и ему нравилось наблюдать, как люди, сумевшие взобраться особенно высоко, с треском падают вниз.

---

https://vk.com/webnovell — промокоды на главы, акции, конкурсы и прочие плюшки от команды по переводам K.O.D.

http://tl.rulate.ru/book/45346/1507830